

минимальных языковых затратах (всего одна синтаксическая конструкция) достичь максимального речевого эффекта. В некоторых случаях конститутивные перечислительного ряда реализуют одновременно несколько стилистических значений, что существенно повышает эмоциональный импакт текста. Не случайно поэтому перечислительные конструкции часто являются ядром формирования эмотивного контекста. Его задача заключается в том, чтобы привлечь внимание адресата, увлечь его сообщаемой информацией. Вслед экспрессивность — понятие коммуникативно-функциональное, способ выражения языковыми средствами особых коммуникативных задач.

Применительно к перечислению в паре категорий экстенсивность/интенсивность трудно определить ведущую роль одной или другой. В случае с перечислениями экстенсивность лежит как бы на поверхности и является объективно очевидной, в то время как интенсивность кроется за стилистическими оттенками, дополнительными значениями составляющих и вырастает только из их взаимодействия. В пользу категории интенсивности говорит тот факт, что монотонность перечислений, их количественная перегруженность получили опровержение в работах последних лет. Сейчас справедливо говорить об одноплановости, одноразрядности членов перечислительных конструкций, но не об их однородности и одинаковости ни в семантическом, ни в стилистическом плане. С присоединением каждого нового элемента растет эмоциональная напряженность высказывания, а, следовательно, и всего текста. Новые составляющие конструкции несут с собой дополнительную информацию, смысловую и эмоциональную нагрузку. Кроме того, каждый новый член перечисления взаимодействует с уже присутствующими членами конструкции и вступает в отношения с последующими.

Компоненты перечисления уже не могут рассматриваться как дискретные единицы, каждая со своими семантическими и стилистическими особенностями. Все они составляют одно целое, интонационно и структурно оформленное единство. В конечном итоге возникает экспрессивная синтаксическая конструкция, благодаря которой микротекст становится более насыщенным, динамичным, интенсивным. Как единица экспрессивного синтаксиса перечисление в полной мере соответствует своей задаче — служит “усилению выразительности, изобразительности, увеличению воздействующей силы сказанного, ...делает речь более яркой, сильной действующей, глубоко впечатляющей” (Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. статей по языкознанию. М., 1958, с. 107).

Т.В. Балуш
Минск

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДУШИ В ИДИОСТИЛЕ В.М. ШУКШИНА

Каждый язык образует свой семантический мир, внутри которого выделяются понятия, особо значимые для одной культуры и не представляющие важности (либо вообще отсутствующие) для другой.

Как считает А. Вежибка, особенности русского характера раскрываются и отражаются в трех ключевых концептах русской культуры, среди которых выделяется душа.

К исследованию души обращались философы и мыслители, неоднократно душа была объектом исследования ученых-лингвистов. Широко душа осваивалась русскими писателями и поэтами на уровне художественного сознания.

Настоящее исследование направлено на изучение особенностей концептуализации души в идиостиле В.М. Шукшина. Значимость души для писателя подтверждается высокой частотностью ее употребления в текстах.

Редко в каком произведении В.М. Шукшина не встретишь упоминания о душе, чувстве разлада с ней. Боль в душе — это хроническое состояние многих шукшинских героев (душа материализуется, происходит снятие универсальной оппозиции “душа – тело”): “Подолгу [Ленька] неподвижно стоял — смотрел на горизонт, и у него болела душа”. В ряде случаев душа, подобно человеку, может *уставать, тосковать, ныть, страдать, тревожиться, повелевать, просить, возмущаться, плакать, радоваться, ликовать*. Душа у автора антропоморфична.

Анализ метафорической сочетаемости души с предикатами и атрибутами в текстах художественных произведений позволил выделить и другие глубинные семантические ее возможности — гештальты: *враг* (“...душа атамана горит раскаленной злобой”; *жертва* (“Уже ж посулили, нет, давай душу теперь травить!”); *раба* (“Мать мудрым сердцем своим поняла, какая сила гнетет душу ее ребенка...”); *повелитель* (— Идите, куда душа ведет, кто вас держит-то); *попутчик* ([Максим]: — Пан профессор, это я его так прозвал. Тоже .. с душой идет”); *собеседник* (— Останусь один и *спрошу свою душу*); *собака* (“Скулила душа, тосковала...”); *птица* (“Триста душ отлетело — это добрые поминки”).

Нередко душа в идиостиле писателя материализуется. Ей можно всячески манипулировать, подвергать физическому воздействию (*отдавать, носить, открывать, выворачивать, ковырять, вытрясать, прижимать, двигать, мять*; на нее можно *наступать*).

Душа в сознании читателя может восприниматься как: *помещение* ([Максим]: — ...Но оттого, что история его не вышла такой разительной и глубокой, какой жила в его душе, он скис, как-то даже отрезвел и погрузнел”); *объект купли-продажи* (— Душу запродам черту!.. — у профессора у самого, кажется, начиналась истерика); *кошелек* (— А пока я живу в общежитии, гол как сокол, за душой — ни копейки); *сад* (“И сразу у него [Алеши] распускалась в душе тихая радость”); *продукт питания* (“Нет, не вино это, не вино изъело душу”); *музыкальный инструмент* ([Степан]: — У меня душа заиграла); *камень* (“Вот как душа затвердела!”); *тайник* (“[Ефим] Зря не спорил. Охотно поддакивал отцу, а за душой таил другое, свое”).

Душа в идиостиле В.М. Шукшина может получать также определенные очертания, приобретать форму сосуда, емкости (“Возможно, Петя в глубине души считает, что когда он стоит вот так..., на спине его в это время вспухают и перекачиваются под кожей бугры мышц”); наделяться свой-

ствами жидкости (— Не сердись, отец, — примирительно сказал парень. — Ненавижу, когда жить учат. Душа кипит!). Выделяются и другие формы существования души: механизм (“В глазах [Егора] появился тот беспокойный блеск, который свидетельствовал, что душа его стронулась и больно толчется в груди”; смертное существо (“Выпили за упокой души Громова Николая Сергеевича...”).

Выявляются также геометрические формы души: она ассоциируется с плоскостью (“Жизнь выровнялась, на душе устоялся желанный покой”). Как хранитель информации душа выступает в следующем контексте: “С ба-бой лучше не говорить про всякие догадки души — не поймет”.

В результате концептуального анализа было замечено, что, несмотря на конкретизацию значения души в пределах контекста, она способна сохранять неоднозначность благодаря своему широкому ассоциативному спектру. “Слово никогда нельзя отделить от той многозначности, какой оно обладает само по себе — даже если контекстом ему предан однозначный смысл”, — писал Г.-Г. Гадамер.